

Е. В. Локтевич¹

✉ 160904@tut.by

¹Белорусский государственный университет, г. Минск, Республика Беларусь

Эстетизация небытия в современной русской рок-поэзии

Аннотация: Субъектно-образная структура современной русской рок-поэзии исследуется в фокусе экзистенциально-феноменологического подхода. Эстетизация небытия осмысливается на материале текстов песен девяти российских рок-групп («Мельница», «Аффинаж», «Йорш», «Кроу», «Дайте два», «Седьмая раса», «Аборт мозга», «Ангел НеБес», «Lumen») в связи со сменой парадигм художественности. В свете обратной иерархии образной сферы рок-текстов определяются пути формирования экзистенциально-виртуальной художественности. Обосновывается концептуальная четырехэлементная модель небытия, которая может расширяться в силу специфики коммуникативного строя современной рок-поэзии и актуализации игровой внесубъектности. Экзистенциальная игра лирического героя со смертью изучается в рамках закономерностей виртуального мира. Характеризуется влияние связи эстетизации небытия и демонического эстетства на содержательно-формальное построение рок-поэзии. Отталкиваясь от системно-субъектного метода, автор статьи демонстрирует вариативность субъектной организации современного рок-текста. Небытие рассматривается в связи с категориями философско-эстетического порядка (жизнь, судьба, счастье, свобода, мир, сон и др.), что позволяет обозначить характер и динамику ценностных ориентиров рок-поэзии. Отмечается, что смерть может обрести субъектный статус, наделена харизмой особого типа и часто воспринимается лирическим героем как жизнь, мыслимая по законам реального бытия. Граница между субъектом бытия и субъектом небытия в статье проанализирована в контексте образов-символов «дверь», «окно» и «дорога». Выявлено, что взаимодействие лирического героя и реципиента осуществляется посредством художнически обыгранного этико-эстетического мазохизма, который выступает заменой христианского покаяния и самонаказания. Ставится вопрос об уникальности эмоционального тона современной русской рок-поэзии, так как сама сущность лирического переживания обретает новые формы субъектно-образных воплощений.

Ключевые слова: рок-поэзия, субъектная организация, лирический герой, образ, эстетизация, небытие, экзистенциализм.

Дата поступления статьи: 1 апреля 2022 г.

Для цитирования: Локтевич Е. В. (2022) Эстетизация небытия в современной русской рок-поэзии. Наука о человеке: гуманитарные исследования, том 16, № 3, с. 66–78. DOI: 10.57015/issn1998-5320.2022.16.3.7.

Scientific article

E. V. Loktevich¹

✉ 160904@tut.by

¹Belarusian State University, Minsk, Belarus

Aestheticization of nonexistence in modern Russian rock-poetry

Abstract: The subject-figurative structure of modern Russian rock-poetry is investigated in the focus of an existential-phenomenological approach. Aestheticization of nonexistence is comprehended on the material of the lyrics of nine Russian rock-bands (“Mill”, “Refining”, “Yorsh”, “Crow”, “Give Two”, “The Seventh Race”, “Brain Abortion”, “Angel of Heaven”, “Lumen”) in connection with the paradigm shift of artistry. In the light of the reverse hierarchy of the figurative sphere of rock-texts, the ways of forming existential-virtual artistry are determined. A conceptual four-element model of non-existence is substantiated, which can be expanded due to the specifics of the communicative structure of modern rock-poetry and the actualization of artistic non-subjectivity. The existential flirt of the lyrical hero with death is studied within the framework of the laws of the virtual world. The influence of the connection between the aestheticization of non-existence and demonic aesthetics on the content-formal construction of rock-poetry is characterized. Starting from the system-subjective method, the author of the article demonstrates the variability of the subjective organization of the modern rock-text. Nonexistence is considered in connection with the categories of philosophical and aesthetic order (life,

fate, happiness, freedom, peace, sleep, etc.), which allows us to identify the nature and dynamics of the value orientations of rock-poetry. It is noted that death can acquire a subjective status, it is endowed with a special type of charisma and is often perceived by the lyrical hero as a life conceived according to the laws of real existence. The boundary between the subject of being and the subject of nonbeing is analyzed in the context of the images-symbols “door”, “window” and “road” in the article. It is revealed that the interaction of the lyrical hero and the recipient is carried out through artistically played ethical and aesthetic masochism; it becomes a substitute for Christian repentance and self-punishment. The following point is suggested for consideration i.e. the uniqueness of the emotional tone of modern Russian rock-poetry, since the very essence of lyrical experience acquires new forms of subject-figurative embodiments.

Keywords: rock-poetry, subjective organization, lyrical hero, image, aestheticization, nonexistence, existentialism.

Paper submitted: April 1, 2022.

For citation: Loktevich E. V. (2022) Aestheticization of nonexistence in modern Russian rock-poetry. Russian Journal of Social Sciences and Humanities, vol. 16, no. 3, pp. 66–78. DOI: 10.57015/issn1998-5320.2022.16.3.7.

Введение

Словесно-знаковое искусство постмодернизма в силу *открытости* – «принципиальной неоднозначности художественного сообщения» (Эко, 2004, с. 10) – в методологическом поле современного литературоведения получает возможность множественных и одновременно равнозначных истолкований своего объекта-репрезентанта, а именно психологической импровизации творца-субъекта, потока его эмоциональных впечатлений. Этот объект воплощается в дискурсивном мире произведения позднего постмодернизма посредством неканонических образов, которые обращают сегодня систему индивидуально-авторских воззрений в уникальную литературную философию – философию художественной виртуальности.

Известно, что в бытии литературного произведения человек, осознавая творческие ресурсы своего мышления, воспринимает мир «не только по законам необходимости, но и по законам красоты» (Гей, 1975, с. 6). Поэтому исследование феноменологических закономерностей и динамики этико-эстетических маркеров художественного образа будет способствовать определению путей обновления содержательной парадигмы *прекрасного* и *безобразного*, в изображении которого, по мнению Т. В. Погудиной, искусство всегда стремится к «выходу» за свои границы, не желая замыкаться на эстетических концепциях и воззрениях, диктующих пределы его возможностей (Погудина, 2019, с. 95). Уникальность авторских «шифров», встроенных в субъектно-образные воплощения *прекрасного* и *безобразного*, в равной мере становится мерлом дарования творца художественной реальности, демонстрирующей порой в весьма причудливых и неожиданных формах новые техники *эстетической интерференции* – наложения, наслаения разных эстетических позиций в субъектно-образной структуре рок-произведения волей *собственно автора* (термин Б. О. Кормана). Интересно в этой связи осмысление бытийного статуса пары *прекрасное* – *безобразное* в современной русской рок-поэзии, которая посредством монтажа репрезентирует в коллажной форме такой художественный мир, который, с одной стороны, разорвал связь с философско-эстетическими парадигмами предшествующих эпох, а с другой – постоянно творчески рефлексирует над прежними моделями (внутритекстовыми, затекстовыми, межтекстовыми) бытийно-небытийных взаимодействий, что проявляется на уровне субъектно-образной структуры.

Постпостмодернистское искусство, превращаясь в «форму кодирования, трансляции и манифестации» (Дианова, 1999, с. 212) новых идей, формирует *художественно-медийную* систему бытийно-небытийных координат и потому задает принципиально новые этико-эстетические параметры для визуализации и виртуализации экзистенциального хронотопа, который «высвечивает» путь духовного и душевного развития рок-поэта. Отметим, что иногда обновление семантического потенциала эстетических образов, явленных в поэтическом слове современного русского рока, связано с нисходящей, «перевернутой» генетикой. Так, переосмысляются дохристианские и псевдобиблейские (утопические, неологические) идеи о сущности *прекрасного*, воссоздаются этические проекции оккультного и языческого ритуалов, практикуется введение *обратной иерархии* традиционной христианской образности, что предполагает преобладание inferнальных образов и их эстетизацию, сознательное обесценивание духовной, нерукотворной

красоты с целью воспевания материальной стороны жизни. Такой путь задает новые параметры не только самой красоты, но и эстетически сопряженных с ней философских категорий *вечность / миг, жизнь / смерть, любовь / ненависть* и т. д. Таким образом, актуализация эстетического нигилизма как симптома переломного этапа в развитии современного искусства – свидетельство одновременной гибели (борьба с идеалом, нивелирование духовных ценностей) и возрождения (поиск нового я-субъекта, формирование нового художественного метода) культуры, оформленной в русле дисбалансов и спешности цифровых формаций.

Эстетизация небытия заключается в ассоциировании смерти с прекрасным, возвышенным началом, что образно воссоздается в форме трагической иронии (синтез прекрасного и безобразного); при этом в фокус эстетического восхищения попадают этически негативные образные структуры (нередко абсурдистские), что можно объяснить спецификой художественных принципов позднего постмодернизма. Надо полагать, что страстный интерес к художественному изображению абсурдности картины мира и частного бытия определяется отказом современной рок-поэзии от каких-либо однолинейных систематизаций и логического оправдания неканонических эстетических образов, стремлением к интуитивным пророчествам и игровой внесубъектности, угасанием духовного начала децентрации, предпочтением мозаичности идейно-эстетических пастишей.

Абсурдность экзистенции собственно автора ищет выхода в творчестве, раскрывая все возможные грани абсурдности внешних форм бытия мира в русле духовного озарения. В свою очередь, игровая внесубъектность позволяет лирическому герою освободиться от дискурсивных границ других субъектов и объектов сознания и виртуализировать свой статус, чтобы, наблюдая за участниками диалога, иметь возможность не пересекаться с ними в точке зрения либо выбирать необходимую коммуникативную стратегию в каждой конкретной ситуации. Очевидно, что целевая субъектная установка игровой внесубъектности близка коммуникативным параметрам авторской венаходимости, о которой М. М. Бахтин писал: «...позиция венаходимости завоевывается, и часто борьба происходит не на жизнь, а на смерть, особенно там, где герой автобиографичен...» (Бахтин, 1979, с. 16). Таким образом, лирический герой современной русской рок-поэзии может «замещать» собственно автора, но не для мировоззренческой борьбы, а для миссии наблюдателя за игровым процессом (можно сравнить с функцией зрителя гейм-стрима – стрима прохождения компьютерной игры).

С нашей точки зрения, небытие в современной русской рок-поэзии имеет сложную концептуальную модель, это: 1) долгожданное освобождение из плена многоформатной, информатизированной «обезумевшей» жизни (жизнь ↔ смерть / жизнь = смерть); 2) смысл и логика человеческого существования (жизнь ≈ смерть); 3) «включенность» в социокультурную среду (жизнь ↑↓ смерть); 4) аналог экзистенциального страха перед неизведанным, рождающим специфическое наслаждение стрессом-познанием (жизнь + смерть).

Безусловно, такая семантическая неоднородность характерна образным парадигмам многих эпох, но в философско-эстетическом пространстве современного рок-текста лирический субъект не только стремится к постижению закадровой, духовной сущности смерти (романтизм), заигрывает и торгуется с ней (символизм), но и вступает со смертью в экзистенциальную игру, которая осуществляется по правилам виртуального мира: 1) наличие нескольких жизней (отсюда вытекает повышенный интерес к буддистской философской образности); 2) возможность «отменить» смерть (превратить ее в сон, найти от нее «таблетку»); 3) можно воспользоваться помощью хилера (героя-лекаря) и «воскреснуть»; 4) даже после так называемой перманентной смерти, требующей возобновления игры «с нуля», возможно перерождение того же героя. Амбивалентность содержательной структуры ужаса, по мнению А. А. Гришина, заключается в его одновременной связанности и со смертью (страх небытия), и с жизнью (страх перед бытием реальности) (Гришин, 2015, с. 91). Именно поэтому, как нам представляется, в современной русской рок-поэзии жизнь нередко идентична смерти, а смерть приравнивается к экзистенциально-виртуальной форме жизни, не внушающей такого страха, как жизнь реальная.

Цель статьи

Актуальным представляется исследование стратегий эстетизации небытия и ее специфики, проявившейся в субъектно-образной структуре современной русской оригинальной рок-поэзии («Мельница», «Аффинаж», «Йорш», «Кроу», «Дайте два», «Седьмая раса», «Аборт мозга», «Ангел НеБес», «Lumen») и свидетельствующей о формировании *экзистенциально-виртуальной художественности*.

Уточним, что к *оригинальной рок-поэзии* мы относим произведения, образная сфера которых предполагает экзистенциально-виртуальный тип построения, а субъектная организация характеризуется синтетичностью и приоритетностью авторского «присутствия», что подразумевает создание (текста и музыки / только текста) и исполнение песен одним автором. Остальных представителей рок-группы мы рассматриваем как участников формирования медийного образа музыкального коллектива и не влияющих на передачу лирического переживания, встроеного в рок-текст.

Методы

Интерес к поэтике лирики в последние годы оживился, отмечает Х. Шталь (Шталь, 2018, с. 35), что, с нашей точки зрения, является показателем развития нового этапа в осмыслении эстетики субъектно-объектной чувствительности, запечатленной в художественной парадигме поэтического текста. Наблюдение за трансформацией категории *эстетизация* представляется нам продуктивным в ракурсе теории рок-текста, в котором синтез музыкальной и литературной эстетики, усложняющий коммуникативную структуру произведения, обретает уникальные образные воплощения, указывающие на формирование принципов экзистенциально-виртуального типа художественности.

Прояснение формально-содержательных параметров субъектной организации рок-текста и различие в нем авторской и неавторской субъектности, а также геройного плана как самостоятельной дискурсивной линии, – довольно сложная литературоведческая задача, на что указывает наличие множества подходов к ее решению:

- 1) выделение типов авторства «по возрастанию роли авторского единоначалия» (Гавриков, 2010, с. 153);
- 2) размышления о «коллективном авторе» (Козицкая, 2002, с. 141), «синтетическом авторе», авторе как культе (Авилова, 2008, с. 45), «коллективном субъекте», о «синтетической языковой личности» как единстве «субъекта-источника» и «субъекта-интерпретатора» (Иванов, 2016, с. 41–42);
- 3) сопоставление «автора как литератора» и «автора как рок-поэта» (Давыдов, 1999, с. 18);
- 4) выявление «я-субъекта», близкого лирическому герою, который наделен чертами автора биографического (Карпов, 2021, с. 245);
- 5) субъектное различие «лирического героя рок-группы» и лирического героя произведения (Пилюте, 2017, с. 10);
- 6) указание на отсутствие образа героя в современной рок-поэзии, «времени без героя в роке» (Никитина, 2015, с. 25) и др.

Исследование эстетизации танатологической образности в рок-тексте может прояснить специфику его коммуникативного строя.

С одной стороны, мы актуализируем феноменологический метод исследования, способствующий познанию *эстетизации небытия* в его имманентной сущности. С другой стороны, следуя логике рассуждений Т. В. Адорно о том, что для достижения более качественного результата в познании произведения искусства необходимо отказаться от чистой феноменологической «сущности» и пристальнее всмотреться в материально-предметную область творения (Адорно, 2001, с. 499), мы прибегаем к возможностям системно-субъектного, структурно-семиотического и сравнительно-сопоставительного методов исследования. Полагаем, что необходимость такого подхода становится очевидной, когда анализу подвергается текст рок-произведения как синтетического образования со сложной субъектно-образной структурой. Несмотря на то, что

«внутреннее» (духовное и душевное) восприятие эстетического объекта, как пишет Х. Ортега-и-Гассет, невозможно подвергнуть научно-практическому осмыслению и последующему объектно-визуальному воспроизведению, однако именно оно является той истинной сущностью вещи, которая может полностью удовлетворить созерцание реципиента (Ортега-и-Гассет, 1991, с. 487). Таким образом, комплексный анализ позволит осмыслить формально-содержательные особенности современной русской рок-поэзии в русле экзистенциально-феноменологического подхода, что, с нашей точки зрения, будет полезным для выработки общих методологических оснований исследования рок-поэзии как синтетического вида искусства.

Результаты

Феноменологические основания эстетизации, которую О. И. Уланович определяет как соотношение концептуального и перцептуального мировосприятия (Уланович, 2020, с. 74), находящегося «на грани исчерпанности» (там же, с. 78), всё еще остаются в науке непроясненными, что и вызывает повышенный интерес к этому явлению в разных областях гуманитарного знания.

Эстетическое конструируется трансцендентально и под непосредственным воздействием силы «собственно сознания» (Кормин, 2018, с. 16). Возможно, оригинальность произведения искусства определяется сегодня не столько наличием неповторимой частной *художественной идентичности*, ограниченной рамками произведения или его культур-диалогическим потенциалом, сколько способностью выйти за пределы какой-либо одноприродности, типологичности и на границе наивысшего философско-эстетического напряжения узреть и транслировать всеобщую гармонию в хаосе, а хаос – в гармонии. Подобные ценностные контрасты вписываются в ориентиры современной философии, которая, с одной стороны, предлагает «утопии эстетизированной жизни», а с другой – использует «эстетические модели для сопротивления поспешным синтезам и обнажения дисгармонии существующего» (Сидоров, 2011, с. 59).

Как и многие явления культуры, *эстетизм, эстетизация, эстетство* в литературном творчестве позднего постмодернизма обретают иное значение и назначение: несмотря на повышенный интерес автора к аллюзивно-реминисцентным практикам, бытийному потенциалу синкретической субъектной организации и общеформатной виртуализации художественного пространства, они демонстрируют тенденцию субъекта к завуалированной индивидуализации. Например, *демонстративная клиповость* определяет в художественном тексте вариативность образных структур, семантика которых характеризуется подвижностью, эпизодичностью, хронотопической неустойчивостью – «хронотопичен всякий художественно-литературный образ» (Бахтин, 1975, с. 399); это явление продуцируется игровым экзистенциализмом и авторским самоопровержением. Но вместе с тем именно благодаря экспериментальному полю демонстративной клиповости собственно автор и лирический герой имеют возможность предельно самобытно обозначить себя на всех уровнях субъектно-образной структуры произведения, в зоне его художественной экзистенции.

Небытие нередко соотносится в сознании человека исключительно с *гибелью, мраком, тьмой*, эстетизация которой в современном обществе, считает Д. Журкова, связана с тенденцией замещения духовности и служит для некоторой сакрализации жизни, отмеченной влиянием процессов секуляризации (Журкова, 2016, с. 124). Эстетизация темной стороны инобытия в русской оригинальной рок-поэзии нередко проявляется через воспевание спасительной смерти и указывает на функционирование демонического эстетства, призванного оправдать зло через актуализацию прекрасных образов, разрушающих границы возвышенного / божественного и низменного / демонического (Локтевич, 2020б, с. 114). Этот феномен в современной русской рок-поэзии явлен среди прочего через синтез экзистенциальных хронотопов: «А у кареты твоей нет колес, нет коней, / Этот свет погаси и на тот вези» (Аффинаж), «И лед растает вслед потерям от тревог. / И как погаснет свет, ты будешь видеть всё!» (Кроу), «Ты не успел на поезд в рай, / Тебе достался адский драйв!» (Аборт...), «А когда мне к лицу станет смерть – я смогу для вас умереть» (Ангел...). Примечательно, что в последней стихотворной цитате выявляется

творческий диалог с рок-поэтом прошлого века А. Башлачевым: «В быту тяжелы. Но однако легки на поминках. / Вот тогда и пойдем, что цветы им, конечно, к лицу» (Наумов, 2017, с. 134). Но если в поэзии А. Башлачева очевидно принципиальное дистанцирование от умирающего поэта – субъекта сознания с «ролевой» функцией (хотя вполне ясно, что собственно автор в данном случае соотносит себя с лирическим героем), то в рок-произведении В. Никанорова лирический герой демонстрирует утрату страха смерти и отсутствие пессимистических настроений, связанных с этим образом-чувством.

Сталкиваясь лицом к лицу с небытием, герой вынужден осваивать коммуникативные законы иной (ирреально-виртуальной) субъектной организации, центральным сознанием которой выступает зло в разных образных претворениях. Экзистенциальное восприятие «демонического» сознания героем современной русской рок-поэзии эмоционально окрашивает образную сферу пограничной территории, где и происходит мировоззренческое «столкновение» этих двух субъектов: «холод крошечный», «темнота», «печаль» (Аффинаж); «боль», «злость», «оцепенение», «пустота» (Йорш); «печаль», «тоска», «одиночество», «вечный холод», «неизбежность», «тьма» (Аборт...); «боль», «скука», «бессмысленность» (Кроу); «холод», «мука», «скука», «печаль», «безнадежная болезнь», «грусть», «гнев» (Ангел...); «холод в голове», «ненависть», «тоска» (Дайте...); «беспросветность», «холод», «злость внутри», «пустота», «тьма», «скука», «духота» (Lumen); «боль», «уныние», «ненависть», «презрение», «пустота», «одиночество», «холод», «отчуждение», «мука», «скука», «тоска» (Седьмая...); «древняя боль», «печаль», «тревога» (Мельница). Заметим, что в эмоционально-негативной, инфернальной стихии лирический герой черпает творческое вдохновение, а это является симптомом демонического эстетства и указывает на переосмысление романтической и символистской художественных традиций. Выявленные чувственно-образные пересечения в творчестве разных авторов говорят о близости восприятия лирическим субъектом современной оригинальной рок-поэзии «демонического» сознания, что сказывается и на образной репрезентации художественного мира исследуемых произведений.

Другим проявлением эстетизации небытия является лояльное отношение к смерти и негативное восприятие земного бытия (жизнь мешает лирическому герою стать свободным и счастливым): оно для героя «больной эксперимент», «вакуум», «черная дыра» (Йорш), «вращение колеса по формуле игры», «квест» (Кроу), «фальшивый аккорд», «подготовка к смерти с твоим участием» (Аборт...), «чертово колесо», «ток-шоу» (Lumen). Как видим, рок-поэты переосмыляют философию небытийной образности эпохи Серебряного века: «После жизненных радуший / В смерть – заведомо не жаль» (Цветаева, 1990, с. 337). Однако теперь смерть может трансформироваться в «пограничное», экзистенциально-виртуальное бытие; в состоянии такой смерти-жизни лирический герой способен жить и творить: «По мне не ставьте свечи... / я... я продолжаю жить» (Седьмая...), «Однажды проснулась мертвой» (Аборт...).

Неразличение субъектом сознания бытия и небытия приводит к тому, что жизнь обретает негативно-ирреальные черты (оформляется ее инобытийный статус): «Что, если вся жизнь тебе приснилась, псих?» (Люмен), «жизнь на земле – это просто первый круг ада» (Седьмая...). В искусстве, отмечает С. Б. Никонова, через переживание действительность преобразуется в эстетический феномен и потому имеет тенденцию к оправданию (Никонова, 2012, с. 348). В этой связи искусство может выступать как «единственная форма небытия», рождающая частные ценностные конструкты (идеальные ценности) и воспринимающее их сознание, ведь художественная реальность, подчеркивает М. С. Каган, предполагает восприятие небытия как истинного бытия (Каган, 1997, с. 87). Следовательно, какие бы смыслы ни вкладывались в образ, демонстрирующий небытие (небытийное бытие) лирического героя современной русской рок-поэзии, они выражают уникальную эстетику, сформированную в авторском сознании и репрезентированную посредством прямо-оценочной и косвенно-оценочной точек зрения (Корман, 1992, с. 178–182) через геройные ипостаси.

Не только частная жизнь, но и весь мир становится для героя рок-поэзии бессмыслицей, рождающей безнадежность, безверие: «Мир, как сон» (Аффинаж), «Был раньше мир интересен, теперь просто образы сна» (Ангел...), «слишком тесный мир» (Дайте...); он для него – чужая планета: «Невыносимо видеть мир, поняв, что он чужой» (Седьмая...). Такие философские интенции восходят к символистской традиции изображения «иног края»: «Как этот мир, лететь бесцельно / В сияющую ночь» (Блок, 2017, с. 424). Но теперь мир-бессмыслица предстает не в фазе его предчувствия: «И к вздрагиваньям медленного хлада / Усталую ты душу приучи, / Чтоб было здесь ей ничего не надо, / Когда оттуда ринутся лучи» (там же, с. 417) (курсив автора. – Е. Л.); он реализован в форме экзистенциальной констатации: «Кто посылал за смертью молитвы – / Встретит рождение ночью» (Мельница).

Триада «смерть = жизнь = сон» на границе экзистенциального страха нередко притягивает в образную сферу современной рок-поэзии образы психосоматического характера: «бессонница», «сон» (Аффинаж), «безумие», «страх» (Аборт...), «страх», «сон» (Кроу), «бред», «страх», «сон» (Ангел...), «сон», «полубезумие», «страх», «бред» (Дайте...), «безумие» (Люмен), «страх», «безумие» (Седьмая...), «сон», «дремота», «страх» (Мельница). Эта философская формула встречалась и прежде в русской лирике: «Всё – снег, всё – смерть, всё – сон» (Цветаева, 1990, с. 133). Теперь же *безумие* обретает субъектный статус: «Я кормлю свое безумие собой, / А ему всё мало...» (Lumen). Вариацией реальной в представлении лирического героя *жизни* становится *сон*; в момент *жизни-сна* герой посредством игровой внесубъектности отделяет свое бытие от бытия земных субъектов сознания: «Доктор держит руку на пульсе, – / Говорит: “Это сон”, да он просто не в курсе» (Аффинаж).

Для лирического героя даже *счастье* может вмиг лишиться прекрасных коннотаций и обрести отталкивающий облик, причем идейная маркировка этого образа-чувства абсурдистски примитивизируется в контексте трагической иронии: «Мое счастье не выгодно...» (Дайте...). Нередко *счастье* изображается посредством стилистически сниженной и обценной лексики, что провоцирует эстетическую интерференцию: «Счастье – внесенный платеж по кредиту, / Свободное место в метро, / Сериал про ментов и бандитов / И крестики в “Русском лото”» (Йорш), «А мне не надо ничего, / Пусть будет счастье, пусть дерьмо» (Ангел...). Герой в межсубъектном коммуникативном фокусе дает пояснение таким трансформациям *счастья*: «Нет, мы не разучились смеяться, / Просто счастье стало другим» (Йорш).

Свобода в зоне бытийно-небытийной пограничности тоже демонизируется, но при этом воспринимается лирическим героем с некоторым наслаждением, которое дают *страх* и *страдание*: «Гнетущее чувство свободы» (там же), «Свобода – это рабство» (там же), «Свобода – это догма» (Кроу) (догма дьявола. – Е. Л.), «Свобода – дым марихуаны» (Седьмая...). Герой действительно понимает скрытый экзистенциальный «вброс» такой *свободы*, он видит в ней риск для жизни, но принимает вызов и участвует в смертельной «игре»: «Никто не скажет, куда заведет / Тебя в итоге твоя свобода» (там же).

Смещение и наложение образных сфер бытия и небытия в современной русской рок-поэзии меняют содержательную парадигму *судьбы*, у которой теперь есть «кассир» (Lumen): подмена и обесценивание божественного начала оставляет не много шансов на духовное и душевное возрождение: «Кто, кто, кто услышит стоны краденой иконы?» (Ангел...) *Судьба* становится «стоном» (Кроу) и «заразой» (Ангел...), а *чистота* посредством «демонического» сознания семантически маркируется как болезненная, предсмертная, безнравственная или таковой воспринимается в ирреальном мире «кажимости»: «И общее светлое будущее / Все кажется чистым и мылом» (Йорш), «Мы безнравственно чисты» (Аборт...). Постепенно происходит субъектное «аннулирование» (*субъектное самоопровержение* как экзистенциально-эстетический симптом демонического эстетства и результат игровой внесубъектности) героя и его бытия, что связывает философско-эстетические основы оригинальной рок-поэзии с романтической традицией: «Я не был никогда своим, я не был никогда чужим, / Я просто не был никогда...» (Ангел...), «Я сам не свой, вообще ничей» (Lumen), «Мое имя меня не узнало» (Ангел...).

Субъектное самоопровержение лирического героя нередко становится психологическим импульсом для активации экзистенциальных «качелей»: «Я не хочу умирать, / Я не могу жить» (Аборт...), «Я дышу – но это не точно» (Мельница), «Все нормально, мы смеемся, только нас давно уж нет» (Ангел...). Пребывание между *жизнью* и *смертью* может также ассоциироваться у героя с *комой*, *остановкой* как «итогом демонического развития» (Романчук, 2000, с. 63), духовным и душевным «*замиранием*»: «Ты встретишь меня у реки? / Вот и оплыли стены... кома, ты?» (Седьмая...), «Ты никогда / Не спутаешь пути: / Ты стоишь...» (Lumen). Демонстративность в принятии *смерти* превращается в экзистенциальный маркер демонического «присутствия»: «Занюханная клоунами в розовых ботинках, / Заплеванная мухами в летальных поединках, / Магически сжимая в руках веретено, / Готовлюсь показательно отправиться на дно» (Аборт...). *Эстетизированную смерть* Л. А. Романчук называет анестезированной (Романчук, 2000, с. 63), и действительно, образ *смерти* в рок-произведениях порой лишается эмоционального заряда и религиозно-философской опоры: «Я честно не так уж хочу, как пою, уходить» (Ангел...), «Забыл все аккорды, поставил гитару, / В ногах табурет, а на шее петля» (там же).

Смерть может обретать субъектную самостоятельность, становиться вторичным субъектом сознания: «А смерть, лакая из общей миски, / Подкараулила твой срок, / Тебе оформлена прописка, / Твой адрес – терем-теремок» (Аборт...). Персонализация *смерти* объясняется преобладанием ее образной функции, но именно это и рождает двойственное к ней отношение лирического героя: чтобы стать предметом (объектом) понимания, смерть должна трансформироваться в образ *смерти*, в ее концепцию, идею, т. е., перестать быть тем, чем она является, и превратиться «в тень, в схему самого себя» (Ортега-и-Гассет, 1991, с. 487). Точно так, например, в поэзии Серебряного века *смерть-избавительница* персонафицировалась, обретала свой голос: «Тоска моя, Смеретушка, / Ты кем ко мне придешь? / Полуднем ли, полуночью / Скогтишь меня, возьмешь?» (Городецкий, 1987, т. 1, с. 185), «С него довольно славить Бога – / Уж он – не голос, только – стон. / Я отворю. Пускай немного / еще помучается он» (Блок, 2017, с. 342).

От *смерти*, утверждает лирический герой, сбежать невозможно, поэтому нужно ей наслаждаться: «Неизбежность смерти у людей / в крови, / Мы с тобой играли, ты меня / убил» (Аборт...), «Что же ты медлишь, ну хватит присматриваться, / Съешь все таблетки, поимей матрицу» (Дайте...). В представленных стихах очевиден диалог с русской лирикой начала XX века, образная сфера которой переосмыслена рок-поэтами в русле постпостмодернизма: «Уж лучше мы, Смеретушка, / Да будем как друзья! / На что уж ты смышленная, / А все смышленей я» (Городецкий, 1987, т. 1, с. 186). И если, например, для М. Цветаевой «...страх смерти есть страх *бытия* в *небытии*, жизни – в гробу» (Цветаева, 1997, с. 52) (курсив автора. – Е. Л.), то для современного рок-поэта сам статус страха подвергается сомнению. Герой не стремится обмануть *смерть* с целью продолжения жизни на земле, а рассматривает ее как несущественную преграду, преодолев которую можно добровольно вступить в фазу новой *смерти=жизни*, обманувшей *смерть* более низкого инобытийного порядка: «На нем поставлен жирный кресс, / Он добровольно лег под пресс, / Ему и больно и смешно, / А мать грозит ему в окно» (Аборт...). Последние две строки – реминисценция-цитата из «Евгения Онегина» – трансформация канонического, узнаваемого образа первой трети XIX века в инобытийно усложненный, ироничный символ безысходной *прижизненной смерти*: «Его забрали в дом Хи-Хи. / Его пустили на дрова, / И покатила голова» (там же). Не случайно в этой связи *смерть* иногда течет «в крови» героя, и для того чтобы ее ощутить, необязательно умирать телом – можно быть мертвым душой: «Запять чистые, мы лезвия нутром чувствуем» (Дайте...).

Примечательно, что в текстах рок-поэтов сущность *небытия* не соотносится непременно с ее антихристианским или атеистическим пониманием. Поэтому и эстетизация смерти обретает уникальный оттенок: *идеализация «красоты» небытия* заключается в ее *власти*, которая воспринимается лирическим героем как *харизма особого типа* – неизбежная, дающая возможность творчески прочувствовать экзистенциальный страх как «головокружение свободы» (С. Кьеркегор): «Теперь поздненько метаться, мы в финале, все знаем, / Мы туда сами себя загнали, /

От себя не уйдешь, даже бегом, / Дорога одна – и это дорога в огонь!» (там же). Такое понимание эстетики *смерти* приводит к смещению семантических границ этого образа, который в косвенно-оценочной точке зрения вновь приравнивается к *жизни*: «А в царстве мертвых следы живых» (Седьмая...). *Смерть=жизнь* дарит лирическому герою долгожданный покой: «Кто-то придумал и дал людям тоску этого движения, / Но не сказал, что это близкая смерть – просто успокоение...» (там же).

Эстетизация *небытия* происходит даже в случаях его страшных образных проявлений, оформленных в русле игрового экзистенциализма: «Ты сам не можешь силой выйти из темы. / Кайф сбивает жажду воли! / Не открывай глаза, когда тебе страшно. / Жди финал, сжимая веки» (Кроу), «Все пути ведут под землю, / Там мы поздно или рано... / Обретем свою нирвану» (Аборт...). Энергетика демонической субъектности на самом деле является энергетикой смерти (Романчук, 2000, с. 63), что явлено особым вниманием лирического героя к этому символу; очевидно, что *небытие* эстетизируется в формате демонического эстетства.

Граница между лирическим героем и героем-носителем «демонического» сознания в образной сфере современной русской рок-поэзии чаще всего представлена:

а) образом-символом *дверь*, которая, как правило, не рассматривается в качестве препятствия или возможности для встречи, а фиксируется как объект: «За твоей ли я дверью или за чужой? / Я чуть-чуть тебе верю пока еще...» (Аффинаж). В зоне экзистенциального пограничья лирический герой может становиться носителем другого сознания и, сменив субъектный статус, переходить в зону инобытия. Подчеркнем, что это уже не примеривание масок, характерных, например, для ролевой лирики, а полноценное проживание чужой жизни как своей (по аналогии с компьютерной игрой): «Когда я уйду и вернусь обратно, и постучу в нашу дверь, / Скажу “Это я”. Но это неправда – ты мне не верь» (там же). *Дверь* может означать для субъекта сознания изоляцию в зоне пограничья: «Он закрывает двери – / И ты для всех потерян» (Кроу), «Превратите мысли в стук, / Постучите в двери мне» (Ангел...). Однако, например, в лирике символистов герой лишь надеялся открыть *дверь*: «Передо мной закрыта дверь / В таинственный приют» (Блок, 2017, с. 65), «Но вечно жди суда у беспощадной двери» (там же, с. 493). В современной же рок-поэзии субъект сознания рассматривает дверь как незначительное препятствие к достижению цели, ради которой он готов пренебречь своей первичной субъектностью, даже овеществиться, чтобы в дальнейшем иметь возможность обрести власть над субъектом, пребывающим за пределами обозреваемого им бытия: «Ныне, теперь – / Если ты мне дверь, / Я тебе стану ключом» (Мельница).

б) образом-символом *окно*, который может указывать на изоляцию, «замирание» лирического героя между *жизнью* и *смертью*, на пограничной территории или на стремление к переходу в зону *небытия*: «Он закрывает окна! / Свобода, словно догма. / Ты летишь, а ты летишь!» (Кроу), «Идут за мной легионы в мир иной. / Скорее открой свои окна, дорогой» (Аборт...);

в) единством образов-символов *дверь* и *окно*: Не давали [бесы] быть – так дайте мне большого мира, / Не отворили дверь – я вышел сквозь окно» (Ангел...). Так лирический герой утверждает свою решительную почти «авторскую» власть над художественным бытием: он найдет выход и в самой *смерти*, так как она для него – вариация *жизни*, сама экзистенция;

г) образом-символом *дорога*, выступающим семантическим аналогом образа *дверь* и символизирующим встречу лирического героя и «демонического» субъекта: «И знак на дороге тебе намекал: “остановка”, / Но ты продолжал этот знак обходить стороной, / Здесь снова сработала формула “сердце + глотка”, / И здравствуй, мой дьявол, – я снова обнялся с тобой» (там же).

Нередко предсмертное состояние лирического субъекта изображается посредством чувственно-приторных образов, внушающих реципиенту иллюзию присутствия, отвечающих за психологическую визуализацию. Тогда даже негативный контекст смысла образов обретает «мазохистскую» эмоциональную тональность, в которой смешиваются *наивное покаяние* (поверхностное), *наслаждение* этим *покаянием* (лжекатарсис) и *поиск* еще большего *страдания* для очередной волны *покаяния-наслаждения*. Такое явление в современной рок-поэзии мы связываем с художественно обыгранным *этико-эстетическим мазохизмом* – аналогом религиозного покаяния

и самонаказания (Локтевич, 2020а, с. 188). Субъект сознания в данном случае может также взаимодействовать с реципиентом на основании психологической экспрессии, удовольствия, трансформирующегося в страх, и страха, превращающегося в удовольствие. Нередко страх подменяется абсолютным бесчувствием или крайней непримиримостью (свидетельство эстетической интерференции): «Не считал я время по минутам / И не пополнял звериный строй, / Что-то изнутри хлестало кнутом, / Вроде больно было мне порой» (Ангел...), «Мы идеальная связка, нам падать не в бездну, но низко, / Так искренне каяться после, все слишком просто» (Дайте...).

Иногда *возвышенное* и *низменное*, *прекрасное* и *безобразное* экзистенциально сливаются на образном и субъектном уровнях: «Ангел мой! / Пошли они к черту!» (Аффинаж), «Прощает ангел всех, а демон шлет успех...» (Кроу), «Я посмотрел в свои глаза – там свет и день, там ночь и тьма!» (Ангел...) Такая семантическая перекодировка ключевых концептов, усвоенных лирическим героем под влиянием демонического эстетства, романтизирует образ души героя и его бытия – оно превращается в «черно-белое кино»: «Ааа! Не будет светлых сказок! / А будет черно-белым кино, / Лети на самое дно!» (Кроу), «Нет комедии в этом черно-белом кино» (Йорш), «На грани жизни и смерти, у расписанной книги, / Разбежались по небу черно-белые фильмы» (Ангел...). А колористическое слияние черного и белого может восприниматься героем как пограничная территория, ставшая небытием, или как субъектное слияние с *небытийным началом*: «...У смерти белое лицо и очень черные глаза» (Мельница), «В черной душе мысли танцуют белые» (Аффинаж).

Выводы

Субъектно-образная структура современной русской оригинальной рок-поэзии организована и функционирует по законам новой художественности – экзистенциально-виртуальной, которая согласуется с принципами неклассической поэтики позднего постмодернизма. Художественность, как известно, качественный, а не количественный показатель, поэтому для ее описания невозможно определить общие верификационные схемы, единую траекторию оценки. Тем не менее исследование эстетизации небытия в рок-тексте посредством экзистенциально-феноменологического подхода может выявить некоторые векторы формирования новой эстетики, которая неизбежно связана с изменениями в коммуникативном строе и образной сфере рок-поэзии.

Отказ от взаимозаменяемости, иерархичности и уравнивания в субъектной организации рок-текста указывает на поиск оригинальной рок-поэзией, которую мы рассматриваем как художественную парадигму, близкую по параметрам функционирования и философско-эстетическим установкам к литературному течению, новых дискурсивных практик. Это становится необходимым в свете медийности современной культуры, синтеза классических и технологических видов искусства, выдвигающих на первый план виртуальную среду, воображаемую реальность, а также компьютеризации многих жизненных процессов, востребованности художественной виртуальности и гейм-стратегирования, внедряющихся в бытие поэтического текста.

Эстетизация литературных явлений и феноменов сегодня не только стремление изменить представление человека о сущности прекрасного, но и попытка увидеть прекрасное в *безобразном* (переосмысление эстетики безобразного), «проживать» и переживать его как прекрасное. Вместе с тем эстетизация помогает восполнить духовную пустоту, ликвидировать дефицит ценностных ориентаций, так как ищет идеализации, гармонии. *Эстетизация небытия* дает возможность лирическому герою обрести экзистенциальную опору, выжить. Мы считаем, что это показатель развития современной поэзии в условиях формирования новой художественной среды. В современной оригинальной рок-поэзии *бытие* и *небытие* сплавляются на субъектном и образном уровнях так, что во многих случаях нет необходимости проводить черту между ними – даже пограничная территория, на которой почти всегда оказывается лирический герой, будет хронологически нейтральной. А так как и *жизнь*, и *смерть* могут проживаться героем неоднократно (игровая внесубъектность, смена субъектности по игровому принципу), то постепенно стирается

эмоциональный тон; в этой связи и ценностные основания лирического переживания, лирической эмоции испытывают в русской рок-поэзии очередной этап переосмысления.

Источники

- Аборт мозга. Тексты песен. Megalyrics [Электронный ресурс]. URL: <http://www.megalyrics.ru/songs/abort-mozgha.htm>.
- Авилова Е. П. (2008) «Культовый» статус автора в русской рок-поэзии. Русская рок-поэзия: текст и контекст. Вып. 10. Екатеринбург; Тверь, с. 42–47. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kultovyy-status-avtora-v-russkoy-rok-poezii>.
- Адорно Т. В. (2001) Эстетическая теория. М., Республика, 527 с.
- Ангел НеБес. Все тексты (слова) песен, переводы, видео, клипы [Электронный ресурс]. 911pesni.ru. URL: <https://911pesni.ru/1/Angel-NeBes>.
- Аффинаж. Тексты песен и альбомы [Электронный ресурс]. GL5.RU. URL: <https://www.gl5.ru/a/affinazh/affinazh.html>.
- Бахтин М. М. (1975) Вопросы литературы и эстетики: Исследования разных лет. М., Художественная литература, 502 с.
- Бахтин М. М. (1979) Эстетика словесного творчества. М., Художественная литература, 424 с.
- Блок А. А. (2017) Полное собрание сочинений в одном томе. М., Альфа-книга, 1020 с.
- Гавриков В. А. (2010) К вопросу об авторстве песенной поэзии. Известия Волгоградского государственного педагогического университета. Серия Филологические науки, № 6 (50), с. 151–155. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=15255258>.
- Гей Н. К. (1975) Художественность литературы. Поэтика. Стиль. М., Наука, 472 с.
- Городецкий С. (1987) Избранные произведения. В 2 т. Т. 1: Стихотворения. М., Художественная литература, 479 с.
- Гришин А. А. (2015) Феномен ужаса: этико-философский анализ. Дис. ... канд. филос. наук: 09.00.05: защ.: 24.12.2015; Ивановский государственный университет. Иваново, 152 с. URL: <http://ivanovo.ac.ru/upload/medialibrary/3b2/GrishinDissertation.pdf>.
- Давыдов Д. М. (1999) Статус автора в русской рок-культуре. Русская рок-поэзия: текст и контекст. Вып. 2. Тверь, с. 16–21.
- Дайте Два. Тексты песен [Электронный ресурс]. Altwall. URL: <https://altwall.net/texts.php?show=daytedva>.
- Дианова В. М. (1999) Постмодернистская философия искусства: истоки и современность. СПб., Петрополис, 240 с.
- Журкова Д. (2016) Искушение прекрасным: классическая музыка в современной массовой культуре. М., Новое литературное обозрение, 320 с.
- Иванов Д. И. (2016) Стадиальная модель формирования синтетической языковой личности в русской рок-культуре: начальный этап. Вестник славянских культур, № 4 (42), с. 41–51. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=27496386>.
- Йорш. Счастье, Часть 2 [Электронный ресурс]. GENIUS. URL: <https://genius.com/albums/Yorsh/2-happiness-part-2>.
- Каган М. С. (1997) Философская теория ценности. СПб., Петрополис, 205 с.
- Карпов Д. Л. (2021) Андрей Машнин: неканонический герой русского рока. Русская рок-поэзия: текст и контекст. Вып. 21. Екатеринбург; Тверь, с. 241–250. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/andrey-mashnin-nekanonicheskiy-geroy-russkogo-roka>.
- Козицкая, Е. А. (2002) Статус автора в русском роке. Русская рок-поэзия: текст и контекст. Вып. 6. Тверь, с. 139–145.
- Корман Б. О. (1992) Избранные труды по теории и истории литературы. Ред.-сост. Е. А. Подшивалова и др. Ижевск, Издательство Удмуртского университета, 236 с.
- Кормин Н. А. (2018) Эстетическое пространство философии всеединства и феноменологии: трансцендентализм и творчество. М., Институт философии Российской академии наук, 127 с.
- Кроу. Тексты песен [Электронный ресурс]. URL: https://vk.com/topic-71030992_33600035.
- Локтевич Е. В. (2020а) Нуарный дискурс в песенной поэзии Эма Калинина: модификация романтического субъекта. Автор-текст-читатель: теория и практика анализа. Материалы Седьмых Международных научных чтений «Калуга на литературной карте России». Калуга: КГУ им. К. Э. Циолковского, с. 181–191. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=44396946>.
- Локтевич Е. В. (2020б) Феномен идейно-субъектной пограничности в лирике начала XX века. Гродно, ЮрСаПринт, 672 с. URL: http://usp.by/2021_bookshelf/pogranichnost.html.
- Люмен (Lumen). Тексты песен (слова) [Электронный ресурс]. GL5.RU. URL: <https://www.gl5.ru/lumen.html>.
- Мельница. Манускрипт [Электронный ресурс]. Репродуктор. URL: <https://reproduktor.net/melnica/manuskript/>.
- Наумов Л. (2017) Александр Башлачёв: человек поющий. М., Выргород, 608 с.
- Никитина О. Э. (2015) «Больше героев нет», или Предчувствие времени без героя в русском роке. Искусствознание: теория, история, практика: Вопросы методологии и теории искусства, № 3 (13), с. 19–26. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=25332563>.
- Никонова С. Б. (2012) Эстетическая рациональность и новое мифологическое мышление. М., Согласие, 416 с.
- Ортега-и-Гассет Х. (1991) «Дегуманизация искусства» и другие работы Эссе о литературе и искусстве. М., Радуга, 639 с.
- Пилоте Э. Ю. (2017) Статус автора в рок-поэзии: постановка проблемы и пути решения. Русская рок-поэзия: текст и контекст. Вып. 17. Екатеринбург; Тверь, с. 7–11. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=29116661>.

- Погудина Т. В. (2019) Безобразное как предмет искусства. Известия Тульского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. Вып. 1, с. 94–103. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=37347792>.
- Романчук Л. А. (2000) Метаморфозы образа сатаны. Библия і культура. Вып. 1, с. 156–161. URL: http://samlib.ru/r/romanchuk_l/metamorfozyobrazasatany.shtml.
- Седьмая Раса: тексты песен [Электронный ресурс]. URL: <http://slushat-tekst-pesni.ru/7-rasa/>.
- Сидоров А. М. (2011) «Эстетический поворот»: от Канта и романтизма к современной философии. Кантовский сборник, № 2, с. 52–59. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=16456957>. DOI: 10.5922/0207-6918-2011-2-7.
- Уланович О. И. (2020) Эстетизация как модус концептуального и перцептуального реконструирования культурного пространства социума в эпоху постмодерна. Искусствознание: теория, история, практика, № 2 (28), с. 72–79. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=43064765>.
- Цветаева М. И. (1997) Неизданное. Сводные тетради. М., Эллис Лак, 638 с.
- Цветаева М. И. (1990) Стихотворения и поэмы. Л., Советский писатель, 800 с.
- Шталь Х. (2018) Многоипостасная модель поэтического субъекта. Субъект в новейшей русскоязычной поэзии – теория и практика. Berlin, Peter Lang, с. 35–55. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=37015254>. DOI 10.3726/b14788.
- Эко У. (2004) Открытое произведение: Форма и неопределенность в современной поэтике. СПб., Академический проект, 384 с.

References

- Abort mozga. Lyrics. Megalyrics. Available at: <http://www.megalyrics.ru/songs/abort-mozgha.htm> (In Russian).
- Adorno T. V. (2001) Esteticheskaya teoriya [Aesthetic theory]. Moscow, Republic Publ., 527 p. (In Russian).
- Affinazh. Lyrics and albums. GL5.RU. Available at: <https://www.gl5.ru/a/affinazh/affinazh.html> (In Russian).
- Angel NeBes. All lyrics (words) of songs, translations, videos, clips. 911pesni.ru. Available at: <https://911pesni.ru/1/Angel-NeBes> (In Russian).
- Avilova E. R. (2008) “Kul'tovyi” status avtora v russkoi rok-poezii [The “cult” status of the author in Russian rock-poetry]. Russian rock poetry: text and context. Edit. 10. Ekaterinburg; Tver', pp. 42–47. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/kultovyy-status-avtora-v-russkoy-rok-poezii> (In Russian).
- Bakhtin M. M. (1979) Estetika slovesnogo tvorchestva [Aesthetics of verbal creativity]. Moscow, Iskusstvo Publ., 424 p. (In Russian).
- Bakhtin M. M. (1975) Voprosy literatury i estetiki: Issledovaniya raznykh let [Questions of literature and aesthetics: Studies of different years]. Moscow, Khudozhestvennaya literature Publ., 502 p. (In Russian).
- Blok A. A. (2017) Polnoe sobranie sochinenii v odnom tome [Complete works in one volume]. Moscow, Alpha-book Publ., 1020 p. (In Russian).
- Daite Dva. Lyrics. Altwall. Available at: <https://altwall.net/texts.php?show=daytedva> (In Russian).
- Davydov D. M. (1999) Status avtora v russkoi rok-kul'ture [The status of the author in Russian rock-culture]. Russian rock-poetry: text and context. Edit. 2. Tver', pp. 16–21 (In Russian).
- Dianova V. M. (1999) Postmodernistskaya filosofiya iskusstva: istoki i sovremennost' [Postmodern philosophy of art: origins and modernity]. St. Petersburg, Petropolis Publ., 240 p. (In Russian).
- Eko U. (2004) Otkrytoe proizvedenie: Forma i neopredelennost' v sovremennoi poetike [An Open Work: Form and Uncertainty in Modern Poetics]. St. Petersburg, Academic Project Publ., 384 p. (In Russian).
- Gavrikov V. A. (2010) K voprosu ob avtorstve pesennoi poezii [On the question of the authorship of song poetry]. Izvestiya Volgograd State Pedagogical University. Series: Philological Sciences, no. 6 (50), pp. 151–155. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=15255258> (In Russian).
- Gei N. K. (1975) Khudozhestvennost' literatury [The artistry of literature. Poetics. Style]. Moscow, Nauka Publ., 472 p. (In Russian).
- Gorodetskii S. (1987) Izbrannye proizvedeniya [Selected works]: In 2 vols. Vol. 1. Stikhotvoreniya [Lyrics]. Moscow, Khudozhestvennaya literature Publ., 479 p. (In Russian).
- Grishin A. A. (2015) Fenomen uzhasa [The phenomenon of horror]: ethical and philosophical analysis. Dis. ... Cand. Philosophy Sci. : 09.00.05: defend. Date: 24.12.2015: Ivanovo State University]. Ivanovo, 152 p. Available at: <http://ivanovo.ac.ru/upload/medialibrary/3b2/GrishinDissertation.pdf> (In Russian).
- Iorsh. Happiness, Part 2. GENIUS. Available at: <https://genius.com/albums/Yorsh/2-happiness-part-2> (In Russian).
- Ivanov D. I. (2016) Stadial'naya model' formirovaniya sinteticheskoi yazykovoii lichnosti v russkoi rok-kul'ture: nachal'nyi etap [The stadium model of the formation of a synthetic linguistic personality in Russian rock-culture: the initial stage]. Bulletin of Slavic Cultures, no. 4 (42), pp. 41–51 (In Russian).
- Kagan M. S. (1997) Filosofskaya teoriya tsennosti [Philosophical theory of value]. St. Petersburg, Petropolis Publ., 205 p. (In Russian).
- Karpov D. L. (2021) Andrei Mashnin: nekanonicheskii geroi russkogo roka [Andrey Mashnin: a noncanonical hero of Russian rock]. Russian rock-poetry: text and context. Edit. 21. Ekaterinburg; Tver', pp. 241–250. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/andrey-mashnin-nekanonicheskiy-geroy-russkogo-roka> (In Russian).
- Korman B. O. (1992) Izbrannye trudy po teorii i istorii literatury [Selected works on the theory and history of literature]. Red.-sost. E. A. Podshivalova i dr. Izhevsk, Udmurt University Press Publ., 236 p. (In Russian).

- Kormin N. A. (2018) Esteticheskoe prostranstvo filosofii vseidinstva i fenomenologii: transtsen-dentalizm i tvorchestvo [The aesthetic space of the philosophy of unity and phenomenology: transcendentalism and creativity]. Moscow, Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences Publ., 127 p. (In Russian).
- Kozitskaya, E. A. (2002) Status avtora v russkom roke [The status of the author in Russian rock]. Russian rock-poetry: text and context. Edit. 6. Tver', pp. 139–145 (In Russian).
- Krou. Lyrics. Available at: https://vk.com/topic-71030992_33600035 (In Russian).
- Loktevich E. V. (2020a) Nuarnyi diskurs v pesennoi poezii Ema Kalinina: modifikatsiya romanti-cheskogo sub"ekta [Noir discourse in the song poetry of Em Kalinin: modification of a romantic subject]. Author-text-reader: theory and practice of analysis. Materials Seventh International Scientific Readings "Kaluga on the Literary Map of Russia". Kaluga: KSU im. K. E. Tsiolkovsky, pp. 181–191 (In Russian).
- Loktevich E. V. (2020b) Fenomen ideino-sub"ektnoi pogranychnosti v lirike nachala XX veka [The phenomenon of ideological-subjective borderline in the lyrics of the beginning of the XX century]. Grodno, YurSaPrint Publ., 672 p. Available at: http://usp.by/2021_bookshelf/pogranychnost.html (In Russian).
- Lumen. Lyrics (words). GL5.RU. Available at: <https://www.gl5.ru/lumen.html> (In Russian).
- Mel'nitsa – Manuscript. Reprodaktor. Available at: <https://reprodaktor.net/melnica/manuskript/> (In Russian).
- Naumov L. (2017) Aleksandr Bashlachev: chelovek poyushchii [Alexander Bashlachev: a singing man]. Moscow, Vyrgorod Publ., 608 p. (In Russian).
- Nikitina O. E. (2015) "Bol'she geroev net", ili Predchuvstvie vremeni bez geroya v russkom roke ["There are no more heroes", or a Premonition of time without a hero in Russian rock]. Art studies: theory, history, practice: Issues of methodology and theory of art, no. 3(13), pp. 19–26 Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=25332563> (In Russian).
- Nikonova S. B. (2012) Esteticheskaya ratsional'nost' i novoe mifologicheskoe myshlenie [Aesthetic rationality and new mythological thinking]. Moscow, Soglasie Publ., 416 p. (In Russian).
- Ortega-i-Gasset Kh. (1991) "Degumanizatsiya iskusstva" i drugie raboty Esse o literature i iskusstve ["Dehumanization of Art" and other works. Essays on literature and art: a collection]. Moscow, Raduga Publ., 639 p. (In Russian).
- Pilyute E. Y. (2017) Status avtora v rok-poezii: postanovka problemy i puti resheniya [The status of the author in rock-poetry: problem statement and solutions]. Russian rock-poetry: text and con-text: Collection of scientific papers. Edit. 17. Ekaterinburg; Tver', pp. 7–11. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=29116661> (In Russian).
- Pogudina T. V. (2019) Bezobraznoe kak predmet iskusstva [Ugly as an art object]. Proceedings of Tula State University. Series: Humanities. Edit. 1, pp. 94–103. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=37347792> (In Russian).
- Romanchuk L. A. (2000) Metamorfozy obraza satany [Metamorphoses of the image of satan]. The Bible and Culture. Edit. 1, pp. 156–161. Available at: http://samlib.ru/r/romanchuk_l/metamorfozyobrazasatany.shtml (In Russian).
- Sed'maya Rasa: lyrics. Teksty pesen. Available at: <http://slushat-tekst-pesni.ru/7-rasa/> (In Russian).
- Sidorov A. M. (2011) "Esteticheskii povorot": ot Kanta i romantizma k sovremennoi filosofii ["Aesthetic turn": from Kant and Romanticism to modern philosophy]. Kant's Collection, no. 2, pp. 52–59. DOI: 10.5922/0207-6918-2011-2-7 (In Russian).
- Stahl H. (2018) Mnogoipostasnaya model' poeticheskogo sub"ekta [A multi-post model of a poetic subject]. The subject in the latest Russian-language poetry – theory and practice. Berlin, Peter Lang Publ., pp. 35–55. DOI 10.3726/b14788 (In Russian).
- Tsvetaeva M. I. (1990) Stikhotvoreniya i poemyy [Lyrics and poems]. Leningrad, Soviet writer Publ., 800 p. (In Russian).
- Tsvetaeva M. I. (1997) Neizdannoe. Svodnye tetradi [Unpublished. Summary notebooks]. Moscow, Ellis Lak Publ., 638 p. (In Russian).
- Ulanovich O. I. (2020) Estetizatsiya kak modus kontseptual'nogo i pertseptual'nogo rekonstruiro-vaniya kul'turnogo prostranstva sotsiuma v epokhu postmoderna [Aestheticization as a mode of conceptual and perceptual reconstruction of the cultural space of society in the postmodern era]. Art studies: theory, history, practice, no. 2(28), pp. 72–79. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=43064765> (In Russian).
- Zhurkova D. (2016) Iskushenie prekrasnym: klassicheskaya muzyka v sovremennoi massovoi kul'ture [The temptation to be beautiful: classical music in modern mass culture]. Moscow, New Literary Review Publ., 320 p. (In Russian).

Информация об авторе

Екатерина Вячеславовна Локтевич

Кандидат филологических наук, доцент кафедры литературно-художественной критики. Белорусский государственный университет (220004, Республика Беларусь, г. Минск, Кальварийская ул., 9). ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-8357-9019>. E-mail: 160904@tut.by

Author's information

Ekaterina V. Loktevich

Cand. Sc (Philology), Associate Professor Department of Literary and Art Criticism. Belarusian State University (9 Kalvaryyskaya St., Minsk, 220004, Belarus). ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-8357-9019>. E-mail: 160904@tut.by